

Глава 39. Нечто пугающее

Когда они вернулись к крестьянскому подворью, хозяин дома как раз выводил со двора жену и детей. Завидев постояльцев, он торопливо крикнул на ходу:

— Тут у Лю муж преставился, староста велел всем немедля собраться. На кухне кое-какая рыба осталась, сварите сами, коли голодны!

Договорив, он даже не стал дожидаться ответа, и вся семья поспешно скрылась за воротами.

— Кто бы мог подумать, что мы столкнемся с подобным, едва успев приехать, — вздохнул Чоу Хуайшэн. — Хорошо еще, люди здесь простые и незлобивые. Случись такое в какой-нибудь глухой, дикой деревне, нас бы уже давно схватили да заперли.

Ань Цзыянь недоуменно нахмурился.

— Но за что? Мы ведь ровным счётом ничего не сделали. С какой стати хватать невинных?

— Потому что суеверный люд верит, будто чужаки приносят несчастье на их землю.

— И что же... что они тогда делают с теми, кого поймают?

— Закапывают заживо. Сжигают. Или топят в клетках для свиней...

Перед мысленным взором Ань Цзыяня мгновенно возникла эта жуткая картина. Он представил на месте несчастных жертв себя и Чоу Хуайшэна, и его охватил ледяной озноб. От одной только мысли сердце сжалось от ужаса.

— Но как же... как же закон? Неужели управы на них нет? Это ведь прямое нарушение императорских указов!

— В таких краях и уездное начальство бессильно, — усмехнулся Чоу Хуайшэн. — Хоть и говорят, что простому люду с чиновниками не тягаться, да только небо здесь высоко, а император далеко. Случись самосуд, виновных днём с огнём не сыщешь, а коли и сыщешь, дело всё равно спустят на тормозах. Со временем власти и вовсе привыкли закрывать на это глаза. Впрочем, не дрожи ты так, не каждый же день здесь людей жгут. Гляди, лица на тебе нет. Если так сильно испугался, мы можем хоть сейчас повернуть обратно.

Заметив неприкрытый испуг спутника, Чоу Хуайшэн не упустил случая слегка подразнить его.

Ань Цзыянь, чьи потаенные страхи так легко вытащили на свет, смутился.

— Мы с таким трудом выбрались в это путешествие, глупо возвращаться из-за пустых страхов. Но... откуда тебе всё это ведомо, брат Хуайшэн?

— Никто мне не рассказывал, — тихо отозвался тот. Его взгляд устремился куда-то поверх заснеженных крыш, подернувшись дымкой мрачных воспоминаний. — В тех местах, где я вырос, подобное случалось наяву. Я сам, своими глазами видел, как деревенские заживо сожгли человека.

Голос его помрачнел, а лицо словно окаменело.

Ань Цзыянь испуганно прижал ладонь к губам. От одних только расспросов кровь стыла в жилах, а уж увидеть такое воочию... От подобного зрелища он наверняка не вынес бы горя. Но куда больше страха его сейчас занимало другое: в каких же суровых, беспощадных условиях проходило детство Чоу Хуайшэна? Какую жизнь ему пришлось перенести?

— Ладно, довольно мрачных разговоров, — прервал затянувшееся молчание Чоу Хуайшэн, легонько сжав его плечо. — Возвращаемся в дом. На улице стужа разыгралась, не хватало ещё, чтобы твоя хворь воротилась.

Ань Цзыянь послушно кивнул и, потянув его за руку, увлёк за собой под крышу.

Не успели они устроиться в тепле, как набежавшая тяжелая туча скрыла блеклое зимнее солнце. Спустя мгновение в воздухе закружились редкие снежинки, которые быстро сменились густым снегопадом. Стоя у окна, они молча смотрели на то, как белая пелена укрывает рыбацкий поселок. Стало ясно: эта метель затянется надолго.

— Должно быть, само небо скорбит по бедной тетушке Лю, — негромко проронил Ань Цзыянь.

— Хотелось бы только, чтобы снегом не замело дороги, — отозвался Чоу Хуайшэн. — Иначе мало того что заката у моря не увидим, так ещё и застрянем тут на неопределенный срок.

— Ты уже хочешь уехать, брат Хуайшэн? — с оттенком сожаления спросил юноша.

Ему не хотелось покидать эти края так скоро, но после обрушившейся на деревню трагедии от былого предвкушения отдыха не осталось и следа.

— Вовсе нет. Двинемся в путь, когда сам пожелаешь.

Для Чоу Хуайшэна сейчас любое место было одинаково чужим. Пока долг сыновней почтительности не исполнен, а кровь матери не отмщена, весь мир казался ему лишь временным пристанищем.

Чоу Хуайшэн перевёл взгляд на Ань Цзыяня, чьё лицо омрачила непритворная грусть. За время их вынужденного союза он успел заметить, насколько этот юноша уязвим перед чужой бедой. Любое событие ранило его хрупкую душу, а все чувства без утайки отражались на лице. То ли по-детски глуп, то ли безгранично наивен... Будь воля Хуайшэна, он разрубил бы этот гордиев узел одним махом, но понимал: в таком деле спешка лишь всё погубит.

Почувствовав на себе пристальный взор, Ань Цзыянь обернулся и тихо спросил:

— Брат Хуайшэн, что-то не так?

Опять эта тень на его лице. Неужели он снова сокрушается о своём неоконченном деле? Юноша мысленно упрекнул себя: если бы не его капризы и глупое упрямство, Хуайшэн, возможно, уже давно бы со всем управился и вернулся к родным. От этого внезапного укола совести его и без того удручённое настроение упало еще ниже.

— Ничего особенного. А вот ты сам не свой с тех пор, как мы вернулись с побережья. Всё из-за беды в доме тетушки Лю?

— Ну конечно, — вздохнул Ань Цзыянь. — Подумай только, какая горькая у неё доля. В прошлом году море забрало почти всю её семью, оставив лишь мужа, а сегодня пучина поглотила и его. Несчастливая женщина... Брат Хуайшэн, может, мы могли бы хоть немного ей помочь? Каково ей теперь одной с малым дитятей на руках?

— Послушай меня, Цзыянь, — серьёзно произнёс Чоу Хуайшэн, заставив юношу посмотреть себе в глаза. — Обездоленных в Поднебесной без счета. В будущем ты встретишь тех, чья участь во сто крат страшнее, чем у этой вдовы. Неужто и тогда станешь спасать каждого встречного? Твоих сил на всех не хватит. Протянув руку помощи, ты лишь на краткий миг избавишь их от голода, но как только мы уедем, они вернуться к прежнему прозябанию. Мудрецы не зря говорят: «Легко привыкнуть к достатку, да тяжело — вновь к нужде». Облегчив им жизнь сегодня, ты лишь сделаешь их последующие страдания невыносимее. Человек должен сам ковать свою судьбу и уповать лишь на собственные силы. Понимаешь это?

Ань Цзыянь открыл было рот, чтобы возразить, но после этих суровых, справедливых слов у него не нашлось аргументов. Хуайшэн был прав. Сам Цзыянь с пеленок не знал ни в чём отказа. Даже когда он угасал от тяжелой болезни, его покои ломились от редчайших снадобий и целебных кореньев. Нищета была для него лишь далеким словом из книг, а в это путешествие его отправили, бережно устроив каждую мелочь на пути. Сравнивая свое благополучие с горем вдовы Лю, он с особенной остротой осознал, насколько милостива к нему была судьба.

— Я понимаю, о чём ты, — тихо ответил он. — И всё же... пусть это будет лишь один-единственный раз. От малой помощи беды не случится. Не знай я о её горе — прошёл бы мимо. Но раз уж всё произошло у меня на глазах, совесть не позволит безучастно стоять в стороне. Если я отвернусь сейчас, то потом, просыпаясь среди ночи, изведу себя сожалениями.

— И как же ты намерен помочь вдове и её сыну? — вздохнул Чоу Хуайшэн.

Он-то надеялся, что его наставления возымели действие, но упрямый юноша явно пропустил всё мимо ушей.

— Им сейчас больше всего нужны деньги.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул Хуайшэн. — Держи.

С этими словами он достал из-за пазухи ассигнацию достоинством в сто лянов серебра. Для крестьянской семьи это были огромные деньги — при бережном обращении вдове и ребёнку хватило бы этого богатства на два года безбедной жизни.

Приняв серебро, Ань Цзыянь просиял благодарной улыбкой. Он ни на миг не сомневался, что его брат Хуайшэн уступит. Что бы тот ни говорил, а сердце у него было золотое, хоть он и любил напускать на себя суровость.

— Мы не знаем, где их лачуга, так что дождёмся хозяев и попросим проводить, — наставительно произнёс Чоу Хуайшэн. — А пока припрядь бумагу понадёжнее и не потеряй.

В дороге всеми деньгами распоряжался Хуайшэн: стоило Цзыяню изъявить малейшее желание, как нужная сумма тут же оказывалась в его руках.

— Не беспокойся, — закивал Ань Цзыянь, бережно пряча драгоценную бумагу в глубокий карман своего платья.

— Вот и славно. Уже смеркается, пойду соображу что-нибудь на ужин. А ты сиди смирно и носа на улицу не высовывай — простудишься в один миг.

— Слушаюсь, брат Хуайшэн! Беги скорее, у меня уже в животе урчит от голода, — затараторил юноша и для пущей убедительности принялся усердно поглаживать себя по бокам.

Глядя на это ребячество, Чоу Хуайшэн лишь сокрушенно покачал головой и, распахнув дверь, вышел на морозный воздух. Только когда шаги снаружи стихли, Ань Цзыянь опустил руки. Его лицо озарила тихая, умиротворенная улыбка.

Разве не о такой простой, согретой теплом жизни он всегда мечтал?